

▲ ТРИ ПРЕМИИ Nebula, ПРЕМИЯ Hugo И ДР.

Келли Линк
ВЛЯПАЛАСЬ!

Келли Линк

Вляпалась! (сборник)

indd предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/18308676>

Келли Линк. Вляпалась!: Издательство АСТ; М; 2015

ISBN 978-5-17-094073-8

Аннотация

<p>Загадочные существа, моделирующие в заброшенном загородном доме механическое королевство; золотая молодежь, обустроивающая собственные гробницы на египетский манер; супергерои, оккупировавшие телестудии в надежде прославиться на реалити-шоу; необъяснимое исчезновение космического корабля...</p><p>В девяти остроумных рассказах Келли Линк описывает сумасшедший и чрезвычайно похожий на наш мир, в котором все, от тинейджеров до ошалевшего от кризиса среднего возраста голливудского актера, настойчиво ищет перемен... А находят все новые и новые проблемы!</p>

Содержание

Летние люди	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Келли Линк Вляпалась!

Kelly Link

GET IN TROUBLE

Печатается с разрешения Tarun Fagerness Agency and
Synopsis Literary Agency.

© Kelly Link, 2015

© Перевод. М. Прокопьева, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Посвящается Генри Уильяму Линку III

*Каждый год одно и то же:
Обезьяна толпу развлекает,
Нарядившись обезьяной.*

Мацуо Басё

Летние люди

Фрэн проснулась оттого, что отец брызгал на нее водой из пульверизатора – будто пытался вернуть к жизни увядшее растение.

– Фрэн, – говорил он. – Фрэн, милая! Просыпайся!

Фрэн подхватила грипп, впрочем, казалось, что это грипп подхватил Фрэн. И вот уже третий день кряду она пропускала школу. Прошлой ночью она приняла четыре капсулы «Найквила» и заснула на диване, когда на экране телевизора какой-то человек метал ножи. Голова была забита соплями, словно ватой. По лицу стекали струйки разведенных в воде удобрений.

– Хватит, – прохрипела она. – Я проснулась!

Жуткий приступ кашля вынудил ее приподняться и, прижав ладони к ребрам, сесть на диване.

Отец казался темной тенью в комнате, полной темных теней. Его мощная фигура предвещала беду. Солнце еще не вышло из-за горы, но кухня была залита бледным светом. Возле двери стоял чемодан, а на столе – тарелка с горкой яиц. Фрэн умирала от голода.

– Мне нужно ненадолго уехать, – продолжал отец. – На недельку, может, на три. Не больше. Пока меня не будет, тебе придется заниматься летними людьми. И в выходные приезжают Робертсы. Завтра или послезавтра надо закупить для

них продукты. Когда будешь покупать молоко, обязательно проверь срок годности. И во всех спальнях застели чистое постельное белье. Расписание я оставил на столе. Думаю, бензина на всю поездку должно хватить.

– Подожди, – сказала Фрэн. Каждое слово причиняло ей боль. – Куда ты едешь?

Отец присел рядом с ней на диван, затем, поерзав, вытащил что-то из-под себя и показал ей: в руке у него была одна из старых игрушек Фрэн – обезьянье яйцо.

– Ты же знаешь, не нравятся мне эти штучки. Убрала бы ты их куда-нибудь...

– Мне тоже много чего не нравится, – заметила Фрэн. – Куда ты собрался?

– На церковное собрание в Майами. Нашел по Интернету, – ответил отец. Он придвинулся ближе и потрогал рукой ее лоб. От успокоительного прикосновения прохладной ладони у нее на глазах выступили слезы. – На ощупь ты уже не такая горячая.

– Я считаю, что ты должен остаться и ухаживать за мной, – сказала Фрэн. – Ты же мой папочка.

– Да как я могу за тобой ухаживать, если и с собой справиться не могу? – ответил он. – Ты ведь не знаешь, что я натворил.

Фрэн не знала, но вполне могла догадаться.

– Ты уходил вчера вечером, – сказала она. – И пил.

– Я не про вчерашнюю ночь говорю, – сказал он. – Я го-

ворю про всю свою жизнь.

– Это... – начала Фрэн и снова закашлялась.

Она кашляла так долго и с таким надрывом, что перед глазами у нее начали расплываться круги света. Однако, несмотря на боль между ребрами и новый приступ кашля при каждой попытке сделать глубокий вдох, «Найквил» так хорошо успокаивал, что ей казалось, будто отец декламирует стихи. У нее закрывались глаза. Может быть, позже, когда она проснется, он приготовит ей завтрак.

– Если кто станет меня искать, скажи, что я уехал. Если кто скажет тебе, что хоть что-нибудь знает заранее, Фрэн, значит, этот человек лжец или дурак. Нужно всегда быть готовым ко всему, больше ничего не поделаешь.

Он похлопал дочь по плечу и подтянул одеяло до самых ее ушей.

Когда она проснулась, уже миновал полдень. Отец давно уехал. Температура была 39 °С. От воды с удобрениями на щеках выступила красная выпуклая сыпь.

Фрэн вернулась в школу в пятницу. На завтрак она съела ложку арахисового масла и сухие хлопья. Она уже и не помнила, когда в последний раз нормально ела. Своим кашлем она распугала ворон, когда шла по окружной дороге, чтобы перехватить школьный автобус.

Первые три урока, включая математику, она тихо дремала, а потом так раскашлялась, что учитель отправил ее к мед-

сестре. Фрэн знала, что медсестра, скорее всего, позвонит отцу и отошлет ее домой. Добираться было бы затруднительно, но ей повезло – по дороге в медкабинет Фрэн встретила у школьных шкафчиков Офелию Мерк.

У Офелии Мерк была своя машина – «лексус». Когда-то ее семья приезжала сюда только на лето, но с недавних пор Мерки обосновались здесь насовсем и теперь круглый год жили у себя в доме на озере в Хорс-Коув. Много лет назад Фрэн и Офелия вместе проводили летние деньки, играя с куклами Барби, принадлежавшими Офелии, пока отец Фрэн выкуривал дымом ос из гнезда, перекрашивал кедровую обшивку дома, сносил старый забор. С тех пор они почти не разговаривали, хотя после того лета отец Фрэн пару раз приносил домой бумажные пакеты, набитые старой одеждой Офелии. На некоторых вещах еще оставались ценники.

Потом Фрэн вдруг резко вытянулась, и подачки прекратились, – Офелия так и осталась очень миниатюрной. Насколько поняла Фрэн, во всем прочем бывшая подруга тоже почти не изменилась: была все такой же красивой, застенчивой, избалованной и легко позволяла собой командовать. Ходили слухи, что ее семья окончательно переехала в Роббинсвилль из Линчберга, после того как во время школьных танцев учительница застукала Офелию целующейся с другой девчонкой в туалете. Это ли послужило причиной переезда, либо некое должностное преступление мистера Мерка – тут уж кому какая версия ближе.

– Офелия Мерк, – сказала Фрэн. – Мне нужно, чтобы ты пошла со мной к сестре Теннант. Она отправит меня домой, и ты меня подвезешь.

Офелия открыла было рот и тут же закрыла его, кивая.

У Фрэн снова поднялась температура – до 38,9 °С. Медсестра Теннант даже выписала Офелии разрешение уйти с уроков, чтобы проводить Фрэн домой.

– Я не знаю, где ты живешь, – сказала Офелия. Они стояли на парковке, Офелия искала ключи от машины.

– Езжай по окружной дороге, – велела Фрэн. – По Сто двадцать девятой. – Офелия кивнула. – Это наверх к Уайлд-Ридж, мимо охотничьих лагерей. – Усевшись в машину, Фрэн положила голову на подголовник и закрыла глаза. – Ох, черт возьми! Совсем забыла! Можешь сначала заехать в магазин? Прежде мне надо привести в порядок дом Робертсов.

– Почему бы и нет? – согласилась Офелия.

В магазине Фрэн взяла молоко, яйца, цельнозерновой хлеб для сэндвичей и мясную нарезку для Робертсов, «Тайленол» и еще «Найквил» для себя, а также замороженный апельсиновый сок, готовые буррито, которые оставалось только разогреть в микроволновке, и «Поп-тартс».

– Запиши на мой счет, – сказала она Энди.

– Я слышал, твой папаша влип в неприятности, – сказал Энди.

– Ага, – ответила Фрэн. – Вчера утром отправился во Флориду. Говорит, нужно с Богом объясниться.

– Твоему папаше не с Богом мириться надо, – сказал Энди.

Фрэн прижала руку к воспаленным глазам.

– Что он натворил?

– Ничего такого, чего нельзя было бы исправить, если иметь при себе бабло и с умом подойти к делу, – ответил Энди. – Передай ему, что мы об этом позаботимся, когда он вернется.

В половине случаев, когда папочка напивался, к этому были причастны Энди и его двоюродный брат Райан, и неважно, что в округе действовал сухой закон. Энди хранил у себя в фургоне самый разный алкоголь и давал его всякому, кто изъявлял желание и знал, как попросить. Хорошая выпивка поступала через границу округа, из Эндрюса. Однако лучшую выпивку изготавливал отец Фрэн. Все знали, что выпивка папаши Фрэн слишком уж хороша, чтобы содержать только натуральные ингредиенты. И это была суцая правда. Когда папочка Фрэн не мирился с Богом, он вечно вляпывался в самые разные неприятности. Фрэн догадывалась, что на сей раз отец что-то кому-то наобещал, но теперь Бог не позволит ему сдержать слово.

– Я передам.

Офелия с преувеличенным вниманием разглядывала состав конфет на обертке, но Фрэн видела, что ей очень интересно, о чем речь. Когда они вернулись в машину, Фрэн сказала:

– То, что ты делаешь мне одолжение, вовсе не означает, что тебе позволено совать нос в мои дела.

– О'кей, – сказала Офелия.

– О'кей, – сказала Фрэн. – Хорошо. А теперь отвезешь меня к дому Робертсов? Он там, на...

– Я знаю, где живут Робертсы, – перебила ее Офелия. – Мама все прошлое лето играла с ними в бридж.

Робертсы, как и все прочие местные жители, прятали запасной ключ под искусственным камнем. Офелия остановилась в дверях, словно ожидая приглашения.

– Ну давай, заходи, – поторопила ее Фрэн.

Дом Робертсов мало чем отличался от других здешних домов. Везде шотландка, пивные кружки «Тоби» и статуэтки собак – бегущих, приготовившихся к прыжку или бредущих, держа в приоткрытой пасти птиц.

Фрэн прибралась в гостевых спальнях и наспех пропылесосила внизу, а Офелия навела порядок в большой спальне и отловила паука, обустроившего себе жилище в корзине для мусора. Паука она вынесла на улицу. Они еще раз прошлись по комнатам, проверяя розетки и лампочки. Пока они занимались уборкой, Офелия все время что-то напевала себе под нос. Обе девушки пели в хоре, и Фрэн поймала себя на том, что невольно оценивает голос Офелии. Сопрано, теплое и одновременно легкое. Сама Фрэн пела контральто, с некоторой хрипотцой, даже когда у нее не было гриппа.

– Хватит, – вслух сказала она. Офелия обернулась и удив-

ленно посмотрела на нее. – Это я не тебе, – пояснила Фрэн. Открыв кран в кухне, она подождала, пока струя не станет прозрачной. Потом долго кашляла и сплюнула в раковину. На часах было почти четыре. – Все, здесь мы закончили.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Офелия.

– Как будто меня всю избили, – ответила Фрэн.

– Я отвезу тебя домой, – сказала Офелия. – Там есть кто-нибудь? А то вдруг тебе станет хуже.

Фрэн не стала отвечать. Видимо, где-то между встречей возле школьных шкафчиков и уборкой в спальне Робертсов Офелия решила, что лед растоплен. Она без умолку говорила про телесериал и про субботнюю вечеринку, на которую ни одна из них не пойдет. Фрэн подумала, что когда-то давно, в Линчберге, у нее, наверное, были друзья. Офелия сокрушалась по поводу домашней работы по математике и рассказывала про свитер, который вяжет. Упомянула девчачью рок-группу, которая, как ей казалось, может понравиться Фрэн, и даже предложила записать ей диск. Пока они ехали по окружной дороге, она несколько раз восторженно восклицала:

– Никогда не привыкну к тому, что теперь весь год живу здесь. Ну, вообще-то пока мы даже целого года тут не прожили, но... Просто здесь так красиво. Совсем другой мир, понимаешь?

– Не очень понимаю, – ответила Фрэн. – Ведь я больше нигде не была.

– А-а... – пробормотала Офелия. Однако ответ Фрэн не больно-то охладил ее пыл. – Ну поверь мне на слово. Здесь обалденно красиво, – не унималась она. – Повсюду такая прелесть – больно смотреть! Я обожаю утро, когда все вокруг затянуто туманом. И деревья! А за каждым поворотом дороги виден очередной водопад. Или маленькое пастбище все в цветах. И каждый раз удивляешься, будто видишь это впервые, будто не знаешь, что увидишь, до тех пор пока вдруг не окажешься прямо посреди всего этого великолепия... Ты в следующем году собираешься поступать в какой-нибудь колледж? Я подумываю о ветеринарной школе. Сомневаюсь, что выдержу еще занятия по английскому. Буду заниматься крупными животными. Никаких маленьких собачек и морских свинок. Может, поеду в Калифорнию.

– В нашей семье в колледж не поступают, – сказала Фрэн.

– А-а, – снова протянула Офелия. – Знаешь, ты ведь намного умнее меня... Так что я просто подумала...

– Сверни здесь, – велела Фрэн. – Осторожнее, дорога неасфальтированная.

Они проехали по грунтовой дороге, обрамленной лавровыми кустами, и выехали на лужок, где протекала безымянная речушка. Фрэн почувствовала, как Офелия задержала дыхание. Скорее всего, она изо всех сил старалась сдержаться и не начать восхищаться тем, как тут все красиво. А здесь, и правда, было красиво, Фрэн это знала. Самого дома почти не было видно; он, словно невеста, спрятался под фатой

из глицинии и вьющейся японской жимолости. Крыльцо заросло канадской розой и белым шиповником. Буйная растительность подбиралась к крыше дома, провисшей от старости. Среди луговой травы вились шмели с позолоченными лапками. На них было столько пыльцы, что она буквально тянула их к земле, мешая летать.

– Дом старый, – сказала Фрэн. – Нужна новая крыша. Прадедушка заказал этот дом по каталогу «Сирс». Его по частям подняли на гору, и все чероки, которые еще не ушли, приходили на него посмотреть. – Она сама себе удивлялась: чего доброго еще пригласит Офелию остаться на ночь.

Открыв дверь, Фрэн с трудом выбралась из машины и вытащила пакет с продуктами. Не успела она обернуться и поблагодарить Офелию за помощь, как та уже тоже вылезла из машины.

– Я подумала... – нерешительно начала Офелия. – Ну я подумала... Можно воспользоваться вашим туалетом?

– Он на улице, – без всякого выражения сказала Фрэн, но все-таки уступила: – Ладно, заходи. Это обычный туалет, просто не очень чистый.

Когда они зашли в дом, Офелия перестала болтать. Фрэн наблюдала за тем, как она осматривает грудку посуды в раковине, подушку и потрепанное лоскутное одеяло на продавленном диване. Горы грязного белья возле экономичной стиральной машины на кухне. Усики ползучих растений, проникшие в дом сквозь трещины в старых оконных рамах.

– Ты небось думаешь, что это смешно, – сказала Фрэн. – Мы с отцом зарабатываем на жизнь, убираясь в чужих домах, а о своем собственном вообще не заботимся.

– Вовсе нет. Я думала о том, что кто-то должен позаботиться о тебе, – ответила Офелия. – По крайней мере, пока ты болеешь.

Фрэн пожала плечами.

– Я и сама неплохо справляюсь, – сказала она. – Ванная дальше по коридору.

Оставшись наедине с собой, Фрэн приняла две капсулы «Найквила», запив их остатками имбирного эля из холодильника. Безвкусный, зато прохладный. Потом легла на диван и, прижавшись к бугристым подушкам, с головой накрылась одеялом. У нее болели все мышцы, лицо горело, а ноги как будто превратились в две ледышки.

Мгновение спустя рядом с ней присела Офелия.

– Офелия, – сказала Фрэн, – я, конечно, благодарна тебе за то, что ты отвезла меня домой, и за помощь у Робертсов, но на девчонок я не западаю. Так что не надо ко мне клеиться.

Офелия ответила:

– Я принесла тебе стакан воды. Тебе нужно много пить.

– М-м-м... – пробормотала Фрэн.

– Знаешь, твой отец однажды заявил мне, что я попаду в ад, – сказала Офелия. – Он что-то делал у нас дома, кажется, чинил протекшую трубу... Понятия не имею, откуда он

узнал. Мне было одиннадцать лет. Вряд ли я тогда сама об этом догадывалась. Ну... Во всяком случае, не была уверена. После этого разговора он перестал приводить тебя к нам играть, хотя маме я ничего не говорила.

– Мой папочка думает, что все попадут в ад, – сказала Фрэн из-под одеяла. – Мне лично все равно, куда я попаду, лишь бы все было не так, как здесь, и его там не было.

Офелия молчала минуту или две, но и не уходила, поэтому Фрэн наконец высунулась из-под одеяла. Офелия держала в руке игрушку, обезьянье яйцо, и снова и снова переворачивала его.

– Дай сюда, – сказала Фрэн. – Сейчас заведу.

Она покрутила филигранный наборный диск и поставила яйцо на пол. Игрушка яростно завибрировала. Из нижней полусферы выдвинулись две пинцетообразные ножки и хвост скорпиона, выполненные из узорчатой латуни. Яйцо встало и пошатнулось, сначала в одну сторону, затем в другую. Сочлененный хвост извивался и бил из стороны в сторону. По обе стороны верхнего полушария открылись маленькие отверстия, откуда высунулись руки и принялись стучать по куполу яйца до тех пор, пока он, издав щелчок, тоже не открылся. Оттуда выскочила обезьянья головка, на макушке которой, словно шляпка, красовалась яичная скорлупа. Обезьянка то открывала, то закрывала рот, радостно треща, вращая гранатовыми глазками и описывая руками широкие круги в воздухе. Наконец завод кончился, и все части обе-

зьяньего тельца убралась обратно внутрь яйца.

– Что это такое? – спросила Офелия. Она взяла яйцо и провела пальцем по швам.

– Эта штукавина в нашей семье уже давно, – сказала Фрэн. Высунув руку из-под одеяла, она схватила салфетку и уже, наверное, в тысячный раз высморкалась. – Мы не украли ее, если ты об этом подумала.

– Да нет, – сказала Офелия и нахмурилась. – Просто... Я такого никогда раньше не видела. Это как яйцо Фаберже. Ему место в музее.

Были в доме и другие игрушки. Смеющаяся кошка и вальсирующие слоники, заводной лебедь, преследовавший собаку. Другие игрушки, которыми Фрэн не играла уже многие годы. Русалка, вычесывавшая из волос гранаты. Мама называла их побрякушками для малышей.

– Теперь припоминаю, – сказала Офелия. – Однажды ты пришла ко мне домой играть и принесла с собой серебристую рыбку. Она была меньше моего мизинца. Мы опустили ее в ванну, и она все плавала и плавала по кругу. Еще у тебя были маленькая удочка и золотой червячок, который дергался на крючке. Ты велела мне поймать рыбку, и когда я это сделала, рыбка заговорила. Сказала, что если я ее отпущу, она исполнит мое желание.

– Ты пожелала два куска шоколадного торта, – сказала Фрэн.

– А потом мама испекла шоколадный торт, помнишь? –

проговорила Офелия. – Так что мое желание и впрямь исполнилось. Но я смогла съесть только один кусок. Может, я заранее знала, что мама собирается печь торт? Вот только зачем бы я стала загадывать торт, если бы точно знала, что и так его получу?

Фрэн молчала и, смежив веки, смотрела на Офелию сужившимися до щелочек глазами.

– Рыбка еще у тебя? – спросила Офелия.

– Да, где-то лежит, – сказала Фрэн. – Часовой механизм сломался. Она больше не исполняет желаний. Но мне как-то все равно. Она всегда исполняла только мелкие желания.

– Ха-ха, – сказала Офелия и встала. – Завтра суббота. Я загляну к тебе утром – проверить, все ли с тобой в порядке.

– Это необязательно, – сказала Фрэн.

– Я знаю, – кивнула Офелия. – Но я приду.

Как-то раз отец Фрэн (он был пьян, но религией тогда еще не увлекался) сказал: когда делаешь для других людей то, что они в состоянии сделать сами, но предпочитают платить тебе, чтобы ты это делал вместо них, обе стороны к этому быстро привыкают.

Иной раз тебе даже не платят, и ты, попросту говоря, начинаешь заниматься благотворительностью. Поначалу испытываешь определенное неудобство, но постепенно уже не можешь без этого. А спустя какое-то время даже начинаешь чувствовать себя не в своей тарелке, если ничего для них

не делаешь. Все кажется, что надо сделать что-то еще, а потом еще. Появляется чувство собственной значимости. Ведь ты им нужен. И чем больше ты им нужен, тем больше они нужны тебе. Нарушается равновесие. Запомни это, Фрэнни. Иногда ты на одном конце, а иногда на другом. Всегда нужно знать, где ты и что кому должна. Если не сможешь найти равновесие, так тут и останешься.

Накачавшись «Найквиллом», Фрэн, охваченная жаром, лежала одна в скрытом за стеной роз прадедушкином доме из каталога и видела во сне – как и каждую ночь – собственное бегство. Каждые несколько часов она просыпалась в надежде, что кто-нибудь принесет ей воды. Время от времени она вся покрывалась потом, после чего замерзала в насквозь мокрой одежде, а потом снова начинала гореть.

Когда на следующий день пришла, хлопнув фанерной дверью, Офелия, Фрэн все еще лежала на диване.

– Доброе утро! – приветствовала ее Офелия. – Или, скорее даже, добрый день! Сейчас уже полдень. Я принесла апельсины – сделаю тебе свежесжатый сок. А еще я не знала, что ты больше любишь – колбасу или бекон, поэтому купила два разных сэндвича.

Фрэн с трудом села на постели.

– Фрэн, – сказала Офелия. Она подошла и встала возле дивана, держа в обеих руках сэндвичи в форме кошачьих голов. – Выглядишь ты ужасно. – Она провела рукой по лбу

Фрэн. – Ты вся горюшь! Так и знала, что нельзя было оставлять тебя здесь одну! Что же делать? Отвезти тебя в больницу?

– Никаких врачей, – сказала Фрэн. – Они начнут выяснять, где мой отец. Принеси попить!

Офелия помчалась за водой.

– Тебе нужны антибиотики, – вернувшись, сказала она. – Или что-то вроде этого. Фрэн?

– Так, – пробормотала Фрэн. Она выудила из стопки писем на полу какой-то счет и вытащила конверт для ответного письма. Затем вырвала у себя три волоса, положила их в конверт и, лизнув, заклеила его. – Отнеси это вверх по дороге, к канаве, – сказала она. – На самый верх. – Она закашлялась. Казалось, будто в легких у нее с грохотом перекачивается что-то сухое. – Когда доберешься до большого дома, обойди его и постучись в дверь. Скажи, что тебя прислала я. Хозяев ты не увидишь, но они поймут, что ты от меня. После того как постучишься, заходи. Сразу иди наверх, понимаешь, и подсунь этот конверт под дверь. Третью по коридору. На месте разберешься, под какую. Потом выходи на крыльцо и немного подожди. Принеси мне то, что они тебе дадут.

По взгляду, которым ее наградила Офелия, было ясно, что она считает, будто Фрэн бредит.

– Если там нет дома или окажется, что это не тот дом, о котором я говорю, возвращайся, и я поеду с тобой в больницу. Или если найдешь дом, но побоишься войти и не смо-

жешь выполнить мою просьбу, возвращайся, и поедем к врачу. Но если сделаешь, как я говорю, будет, как с рыбкой.

– Как с рыбкой? – переспросила Офелия. – Я не понимаю.

– Потом поймешь. Будь смела, как девушки в балладах. – Сказала Фрэн и изо всех сил постаралась придать себе бодрый вид.

Офелия ушла.

Фрэн лежала на диване и мысленно совершала путь вместе с ней. Время от времени она подносила к глазу нечто вроде подзорной трубы – вещь гораздо более полезную, чем любая заводная побрякушка. В эту трубу виднелась грунтовая дорога; на первый взгляд она заканчивалась тупиком, но, присмотревшись внимательнее, можно было разглядеть, что дорога пересекает мелкую канавку, ползущую вверх и вниз по склону горы. За лугом снова начинались лавровые кусты, а затем деревья, увитые плетистыми розами, – в этом месте Фрэн всегда казалось, будто она поднимается среди дрейфующих бело-розовых облаков. Дальше шла каменная стена, почти полностью обрушившаяся, за которой возвышался большой дом. Двухэтажный, каменный, сухой кладки, потемневший от времени, как и полуразвалившаяся стена. Шиферная крыша, длинное косое крыльцо, резные деревянные ставни, закрывавшие окна, отчего дом казался слепым. Две яблони, кривые и старые, одна – сплошь усыпанная плодами, другая – голая, серебристо-черная. Офелия отыскивала мшистую тропинку между ними, которая вела к двери черного

входа, где на каменной перемычке были вырезаны два слова: «БУДЬ СМЕЛА».

Фрэн видела: постучавшись, Офелия на мгновение нерешительно застыла на пороге, а затем открыла дверь.

– Здравствуйте, – позвала она. – Меня прислала Фрэн. Она болеет. Здравствуйте...

Никто ей не ответил.

Вздохнув, Офелия переступила порог и оказалась в тесном темном коридоре, по обеим сторонам которого располагались комнаты, а впереди – ведущая наверх лестница. На плитах, которые увидела перед собой Офелия, были вырезаны все те же слова: «БУДЬ СМЕЛА», «БУДЬ СМЕЛА». Несмотря на столь подбадривающее приглашение, Офелия, казалось, не имела намерения обследовать ни одну из комнат. Фрэн подумала, что это мудрое решение. Первое испытание Офелия прошла успешно. Логично было бы предположить, что за одной из дверей скрывается гостиная, а за другой – кухня, но предположение это оказалось бы ошибочным. С одной стороны находилась Комната Королевы. С другой – Военная Комната. Так, по крайней мере, называла их Фрэн.

Вдоль стен коридора громоздились кипы старых журналов, газет и каталогов, энциклопедий и готических романов. Проход стал настолько узким, что даже крошке Офелии пришлось повернуться боком, чтобы протиснуться между ними. Из бумажных пакетов и целлофановых сумок торчали

кукольные ноги и изделия из серебра, теннисные трофеи и стеклянные банки, пустые спичечные коробки, зубные протезы и другие предметы. Все они наводили на мысль, что за дверями по обе стороны коридора скрывается еще больше беспорядочно сваленных в кучи ненужных вещей, и это действительно было так. У подножия лестницы на первой же ступеньке был вырезан еще один совет для гостей вроде Офелии: «БУДЬ СМЕЛА, БУДЬ СМЕЛА, НО НЕ СЛИШКОМ!»

Фрэн поняла: хозяева дома снова развлекались. Кто-то украсил балюстраду мишурой, плющом и павлиньими перьями. Вдоль лестницы чертежными кнопками были приколоты к стене вырезанные из фотографий фигуры, слой за слоем, один на другой. Сотни и сотни глаз следили за тем, как Офелия осторожно ставит ногу на следующую ступеньку.

Возможно, Офелия не доверяла лестнице, полагая, что та насквозь прогнила. Но лестница не таила в себе опасности. За этим домом всегда кто-нибудь следил.

Наверху лежал мягкий упругий ковер. Мох, решила Фрэн. Опять сменили обстановку. Убирать будет чертовски трудно. То там, то тут под мохом пестрели кольца красно-белых грибов. Многочисленные игрушки только и ждали, чтобы кто-нибудь в них поиграл. Заводной динозавр, на чьих медных плечах сидел дешевый пластмассовый ковбой. Под потолком – два бронированных дирижабля, привязанные к

светильникам алыми ленточками. Пушки на этих аппаратах были в рабочем состоянии и неоднократно гоняли Фрэн по коридору. Потом дома ей приходилось вытаскивать пинцетом крошечные свинцовые пульки, угодившие в голень. Однако сегодня все было спокойно.

Миновав две двери, Офелия остановилась у третьей. Ее венчало последнее предупреждение: «БУДЬ СМЕЛА, БУДЬ СМЕЛА, НО НЕ СЛИШКОМ УСЕРДСТВУЙ, НЕ ТО БЫСТРО В ГРУДИ ОСТАНОВИТСЯ СЕРДЦЕ». Офелия взялась за дверную ручку, но открывать не стала. Не трусиха, но и не дура, подумала Фрэн. Они будут довольны. Ведь будут же?

Офелия встала на колени и подсунула под дверь конверт Фрэн. В этот момент что-то выскользнуло у нее из кармана и упало на ковер из моха.

Возвращаясь назад по коридору, Офелия остановилась возле первой двери. Похоже, она что-то услышала. Может быть, музыку? Голос, зовущий ее по имени? Приглашение? Бедное слабое сердце Фрэн едва не остановилось от радости. Офелия им понравилась! Конечно. Кому же она не понравится?

Офелия спустилась по лестнице, с трудом пробираясь сквозь горы мусора. На крыльце она села на качели, но качаться не стала. Судя по всему, одним глазом она следила за домом, а другим – за маленьким садом камней позади дома, который прилегал к горе. Был там и водопад. Фрэн надея-

лась, что Офелии он понравится. Раньше там ничего подобного не было. Это все для нее, все для Офелии, считавшей водопады обалденно красивыми.

Сидевшая на крыльце Офелия резко обернулась, словно почувствовала, что сзади к ней кто-то подбирается. Но там не было никого, кроме пчел-плотников, несущих домой наполненные золотом сумки, и дятла, долбившего ствол в поисках пищи. В растрепанной траве сидел трубказуб, и чем внимательнее Офелия осматривалась, тем больше они с Фрэн видели. Под лавровым кустом дремали два лисенка. Самка оленя и олененок отрывали с молодых стволов полоски коры. По высокому уступу над домом даже шагал бурый медведь со свалывшимся с прошлой зимы мехом. Пока Офелия как зачарованная сидела на крыльце этого опасного дома, Фрэн свернулась калачиком у себя на диване. От тела волнами исходил жар. От страшного озноба стучали зубы. Она уронила подозрную трубу на пол. «Может, я умираю, – подумала Фрэн, – вот почему Офелия здесь».

Фрэн то просыпалась, то вновь проваливалась в сон, прислушиваясь, не возвращается ли Офелия. Возможно, она ошиблась, и они не станут помогать ей. Возможно, они вообще не позволят Офелии вернуться. Офелия так застенчива, так добра, так красиво поет... У нее кудрявые золотистые волосы. А им нравится все, что сверкает. В этом они похожи на сорок. Да и во многом другом тоже.

Но Офелия все-таки вернулась. Глаза ее округлились, а лицо сияло радостным возбуждением, словно наступило Рождество.

– Фрэн, – позвала она. – Фрэн, просыпайся! Я сходила туда! Я была смелой! Фрэн, кто там живет?

– Летние люди, – сказала Фрэн. – Они тебе что-нибудь для меня дали?

Офелия поставила на одеяло какой-то предмет – очень красивый, как и все, что делали летние люди. Это был флакон из перламутрового стекла размером с тюбик губной помады, который обвивала эмалированная зеленая змейка, чей хвост служил пробкой. Фрэн потянула за хвост, и змейка развернулась. Из горлышка флакончика показалось древко стяга, на расправившемся шелковом полотнище которого были вышиты слова: «Выпей меня».

Офелия смотрела на все это помутневшими от обилия чудес глазами.

– Я сидела там и ждала, а мимо пробежали две маленькие лисички! Они забрались прямо на крыльцо, подошли к двери и скреблись в нее до тех пор, пока она не открылась. Они зашли прямо в дом! А потом вышли, и одна из них подошла ко мне, держа в зубах бутылочку. Она положила ее у моих ног, и они ловко сбежали по ступенькам и скрылись в лесу. Фрэн, это было совсем как в сказке!..

– Да, – сказала Фрэн.

Она поднесла сосуд к губам и выпила его содержимое. По-

том закашлялась, вытерла рот и лизнула тыльную сторону ладони.

– Я хочу сказать, что люди вечно что-нибудь сравнивают со сказкой, – продолжала Офелия. – Но обычно они имеют в виду, что кто-то влюбляется и женится. Живет долго и счастливо. Но этот дом, эти лисы... Вот где самая настоящая сказка. Кто они такие? Летние люди?

– Так их называет мой отец, – сказала Фрэн. – Но когда на него находит приступ религиозности, он называет их дьяволами, явившимися, чтобы украсть его душу. Это потому, что они снабжают его выпивкой. Он о них никогда не беспокоился. Этим всегда занималась мама. А теперь, когда ее нет, это моя работа.

– Ты у них работаешь? – переспросила Офелия. – Ну, как у Робертсов?

Фрэн вдруг почувствовала невероятное облегчение. Казалось, впервые за много дней у нее согрелись ноги, а горло смягчил медовый бальзам. Даже нос перестал болеть и выглядел не таким красным.

– Офелия... – сказала она.

– Да, Фрэн?

– Думаю, теперь я совсем скоро поправлюсь. Это твоя заслуга. Ты была храброй, оказалась настоящим другом, и мне нужно придумать, как тебя отблагодарить.

– Да я не... – возразила Офелия. – То есть я рада, что все так получилось. Рада, что ты попросила меня о помощи.

Обещаю, что никому ничего не скажу.

«Если расскажешь, потом пожалеешь об этом», – подумала Фрэн, но вслух ничего не сказала.

– Офелия! Мне сейчас нужно немного поспать. А потом, если захочешь, поговорим. Можешь даже остаться тут, пока я сплю. Если хочешь. Знаешь, мне наплевать, что ты лесбиянка. В кухне на столе лежат «Поп тартс». И те два сэндвича, что ты принесла. Я люблю с колбасой. Можешь взять себе тот, что с беконом.

Она заснула прежде, чем Офелия успела ответить.

Проснувшись, Фрэн первым делом наполнила ванну и быстренько осмотрела себя в зеркало. Волосы выглядели безжизненными и сальными и были в колтунах, словно у ведьмы. Под глазами залегли глубокие тени. Она высунула язык, он был покрыт желтым налетом. Когда она вымылась и снова оделась, джинсы висели на ней мешком, и было такое ощущение, будто у нее остались только кости.

– Сейчас я могла бы съесть слона, – сказала она Офелии.
– Но сэндвич в виде кошачьей головы и парочка «Поп тартс» – для начала совсем неплохо.

Офелия налила свежавыжатый апельсиновый сок в керамический кувшин. Фрэн не стала говорить ей, что отец иногда использует его как плевательницу.

– Можно задать тебе еще несколько вопросов? – спросила Офелия. – Ну, про летних людей?

– Не уверена, что смогу ответить, – сказала Фрэн. – Но давай, попробуй.

– Когда я только вошла туда, – продолжала Офелия, – то сначала подумала, что там живет какой-то затворник. Ну знаешь, из тех, что все собирают и никогда ни с чем не расстаются. Я смотрела про них передачу по телевизору, иногда они собирают даже собственные какашки. И мертвых кошек. Это просто ужасно. Дальше все выглядело еще более странно. Но я ни разу не испугалась. Мне казалось, что там кто-то есть, но они были рады меня видеть.

– Им редко составляют компанию, – объяснила Фрэн.

– Понятно. А зачем они собирают все эти вещи? Откуда это все?

– Некоторые вещи – из каталогов. Иногда мне приходится идти на почту и забирать их заказы. Иногда они сами уезжают и что-нибудь привозят. А иной раз говорят мне, что им нужно, и я им это достаю. В основном это вещи от Армии спасения. Однажды они велели мне купить сто фунтов медных труб.

– Зачем? – спросила Офелия. – Что они со всем этим делают?

– Мастерают разные вещи, – ответила Фрэн. – Мама так их и называла – «мастера». Не знаю, зачем им все это. Они раздают вещи. Игрушки, например. Когда делаешь для них что-нибудь, они вроде как оказываются у тебя в долгу.

– Ты их когда-нибудь видела? – спросила Офелия.

– То и дело вижу, – сказала Фрэн. – Хотя... Не так уж часто, если честно. Последний раз видела, когда была намного меньше. Они стеснительные.

Офелия прямо-таки подпрыгивала на стуле.

– Ты о них заботишься? Это же замечательно! Они всегда здесь жили?

Фрэн помедлила.

– Я не знаю, откуда они взялись. Они не всегда здесь. Иногда они... где-то в другом месте. Мама их жалела. Она думала, что они не могут вернуться домой, что их откуда-то выгнали, ну... как чероки, например. Они живут намного дольше, чем другие люди, может, вообще вечно, не знаю. Мне кажется, там, откуда они пришли, время течет иначе. Иногда их нет годами. Но они всегда возвращаются. С летними людьми всегда так.

– И мы раньше то приезжали, то уезжали, – сказала Офелия. – Ты и обо мне так раньше думала. А теперь я все время живу здесь.

– Но ты-то можешь и уехать, – сказала Фрэн. Ей было все равно, как это прозвучало. – А я вот, например, не могу. Это часть уговора. Тот, кто о них заботится, должен оставаться здесь. Уехать нельзя. Они не позволят.

– Хочешь сказать, ты не сможешь уехать? Никогда?

– Да, – ответила Фрэн. – Никогда. Мама здесь застряла – до тех пор пока не родила меня. А потом, когда я подросла, я ее заменила. И она ушла.

– Куда она ушла?

– Это вопрос не ко мне, – сказала Фрэн. – Они дали маме палатку, которая складывается до размеров носового платка. Когда ставишь ее, с виду это обыкновенная палатка на двоих, но внутри все совсем иначе. Как в коттедже – две кровати с латунными каркасами, шкаф для одежды и белья, стол и застекленные окна. Когда смотришь в одно окно, видишь то, что на самом деле происходит снаружи, а когда смотришь в другое, всегда видишь те две яблони, которые растут перед домом, и мшистую тропинку между ними. Помнишь?

Офелия кивнула.

– Так вот, мама ставила эту палатку, когда у папаши случался запой, и мы с ней там отсиживались. А потом она переложила на меня заботу о летних людях, и однажды утром, после того как мы провели ночь в палатке, я проснулась и увидела, как она вылезает в окно. То самое, которого там быть не должно. Она пошла по тропинке и скрылась из виду. Может, надо было пойти за ней, но я осталась...

– Куда она пошла? – спросила Офелия.

– Здесь ее нет, – сказала Фрэн, – и больше я ничего не знаю. Так что я должна оставаться вместо нее. Вряд ли мама когда-нибудь вернется.

– Как же она могла бросить тебя? – сказала Офелия. – Это неправильно, Фрэн.

– Знаешь, мне бы так хотелось уехать отсюда, хотя бы ненадолго, – сказала Фрэн. – Побывать в Сан-Франциско и

увидеть мост Золотые Ворота... Помочить ноги в Тихом океане... Еще я хотела бы купить гитару и исполнять на улицах старые баллады... Хотя бы немножко отдохнуть, а потом уж снова надеть на себя это ярмо.

– Я бы с радостью съездила в Калифорнию, – сказала Офелия.

Они помолчали минутку.

– Я бы хотела тебе помочь, – продолжала Офелия. – Ну, с домом этим и летними людьми. Нехорошо, что тебе все всегда приходится делать одной.

– Я и так уже у тебя в долгу, – напомнила Фрэн, – за помощь у Робертсов. За то, что ухаживала за мной, пока я болела. За то, что ты для меня сделала, когда пошла в тот дом.

– Я знаю, каково это, когда ты совсем одна, – воскликнула Офелия. – Когда не с кем поговорить. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы тебе помочь. Я серьезно, Фрэн...

– Я вижу, что ты говоришь серьезно, – сказала Фрэн. – Но вряд ли ты сама понимаешь, о чем говоришь. Если хочешь, можешь еще раз туда сходить. Ты оказала мне большую услугу, и я не знаю, как тебя отблагодарить... В том доме есть спальня, и если в ней переночевать, увидишь свое самое сокровенное желание. Я могла бы отвести тебя туда сегодня вечером и показать эту комнату. Так или иначе, думаю, ты там кое-что потеряла.

– Правда? – спросила Офелия. – Что именно? – Она проверила карманы. – Ох, черт возьми! Айпод. Как ты узнала?

Фрэн пожала плечами.

– Ну, в любом случае его там никто не украдет. Думаю, они будут рады снова тебя видеть. Если бы ты им не понравилась, то уже поняла бы это.

Фрэн затеяла уборку, чтобы наконец ликвидировать чужовищный беспорядок, который они с отцом развели у себя дома, и тут летние люди дали ей знать, что им кое-что нужно.

– Могу я хоть минутку потратить на себя? – проворчала она.

Они напомнили ей, что у нее на это было целых четыре дня.

– И я это время ценю особенно, – сказала она, – учитывая, как паршиво мне было.

Но все же поставила сковородку отмокать в раковине и записала, что от нее требовалось.

Она убрала все игрушки, недоумевая, с чего это ей вдруг приспичило их достать. Может быть, из-за мыслей о маме – когда она болела, то всегда думала о маме. И в этом нет ничего странного.

Офелия вернулась в пять часов вечера. Она собрала волосы в хвост и принесла фонарик и термос. Верно, вообразила себя Нэнси Дрю¹.

– Здесь так рано темнеет, – заметила Офелия. – Такое ощущение, что наступил Хэллоуин. Как будто ты ведешь ме-

¹ Нэнси Дрю – героиня детективов для детей. (Здесь и далее примеч. пер.).

ня в дом с привидениями.

– Они не призраки, – сказала Фрэн. – И не демоны. Ничего подобного. Они не причинят тебе вреда, если только ты их не разозлишь. Вот тогда они тебя разыграют и всласть повеселятся.

– Разыграют? Как? – спросила Офелия.

– Однажды я мыла посуду и случайно разбила чашку, – сказала Фрэн. – Они подобралась ко мне и больно ущипнули за руку. – След на руке оставался до сих пор, хотя прошло уже много лет и она больше никогда ничего не разбивала. – В последнее время они увлеклись тем же, чем тут все увлекаются. Ролевыми играми. Военные реконструкции... Превращают большую комнату внизу в поле боя. Только это не Гражданская война. Думаю, это что-то из их войн. Они построили себе воздушные корабли и подводные аппараты, механических драконов и рыцарей и самые разные маленькие игрушки и сражаются с их помощью. Иногда им становится скучно, и они приглашают меня как зрителя, только вот не всегда внимательно следят за тем, куда нацеливают свои пушки.

Она посмотрела на Офелию и поняла, что сболтнула лишнее.

– Ну ко мне-то они привыкли. Знают же, что у меня нет выбора, а значит, с их поведением приходится мириться.

Днем ей пришлось ехать в Чаттанугу, чтобы зайти в один комиссионный магазин. Они отправили ее за подержанным

DVD-плеером и снаряжением для верховой езды, а еще велели скупить все купальники в округе. Вместе с оплатой бензина это обошлось ей в семьдесят долларов. И всю дорогу горела сигнальная лампа. Хорошо, что в этот день не надо было идти школу. Сложно объяснить учителю, что ты прогуливаешь уроки, потому что голоса у тебя в голове срочно потребовали купить седло.

Потом она занесла покупки в дом. Айпод лежал прямо перед дверью.

– На, – сказала Фрэн. – Я принесла его назад.

– Мой айпод! – воскликнула Офелия, повертев его в руках. – Это они сделали?

Айпод теперь весил немного больше. Он обзавелся красно-коричневым футлярчиком из ореха, инкрустированным рисунком из черного дерева и позолоты, взамен старого футляра из розового силикона.

– Стрекоза, – сказала Офелия.

– Змеиный доктор, – сказала Фрэн. – Так их называет мой отец.

– Это они для меня сделали?

– Они разукрасят даже джинсовую куртку со стразами, если случайно ее там забудешь, – усмехнулась Фрэн. – Честное слово. Они просто не могут оставить вещь просто лежать.

– Классно, – сказала Офелия. – Хотя мама ни за что мне не поверит, если я скажу, что купила футляр в торговом центре.

– Только не бери с собой ничего металлического, – преду-

предила Фрэн. – Никаких сережек, даже ключи от машины не бери. А то проснешься и увидишь, что они их расплавили, сделали доспехи для кукол или бог знает что еще.

Дойдя до места, где дорогу пересекала канава, они сняли обувь. Совсем недавно здесь сошел снег и вода была очень холодной.

– Наверное, надо было принести хозяевам какой-нибудь подарок, – предположила Офелия.

– Можешь собрать для них букет полевых цветов, – сказала Фрэн. – Но точно так же их порадует немного падали.

– Опавшие листья? – переспросила Офелия.

– Животные, которых сбило машиной, – объяснила Фрэн.

– Но и листья сгодятся.

Офелия нажала на панель айпода.

– Тут, оказывается, песни, которых раньше у меня не было.

– Музыку они тоже любят, – сказала Фрэн.

– Ты говорила, что хочешь поехать в Сан-Франциско и выступать на улице, – напомнила Офелия. – Я такого даже вообразить не могу.

– Ну, – сказала Фрэн, – конечно, я никогда этого не сделаю, но вообразить могу без труда.

Наконец они добрались до дома. На зеленой лужайке неподалеку паслись олени. Угасающий свет дня озарял дере-

вья: живое и мертвое. На балках над крыльцом висели гирлянды китайских фонариков.

– К дому нужно подходить по тропинке между деревьями, – сказала Фрэн. – Прямо по тропинке. Иначе к нему вообще не подберешься. И я всегда хожу только через черный вход.

Она постучала в дверь. Будь смела, будь смела.

– Это опять я, – сказала она. – И Офелия со мной. Та, что оставила айпод.

Увидев, что Офелия открыла рот, она поспешно перебила ее:

– Не надо. Они не любят, когда их благодарят. Это для них как яд. Заходи. *Mi casa es su casa*². Сейчас я тебе все покажу.

Они перешагнули через порог. Фрэн шла первой.

– Сзади комната с насосом, где я обычно стираю, – сказала она. – Есть еще большая каменная печь и мангал, хотя не понимаю, зачем он им. Мясо они не едят. Но тебе, наверное, это не интересно.

– А в этой комнате что? – спросила Офелия.

– Хм, – фыркнула Фрэн. – Ну, прежде всего, куча старья. Я же говорила: они обожают собирать барахло. А за всем этим барахлом, подозреваю, прячется Королева.

– Королева?

– Ну, это я ее так называю. Знаешь, как у пчел? Глубоко в сотах сидит королева, и все рабочие пчелы ей прислуживают... Насколько я понимаю, что-то подобное происходит

² Мой дом – твой дом (исп.).

и здесь. Королева очень большая и не особенно красивая, и они все время бегают туда-сюда, носят ей еду. Не думаю, что она уже совсем взрослая. Я уже давно размышляю над тем, что говорила мама: может, этих летних людей и вправду откуда-то выгнали. У пчел ведь тоже так бывает, да? Они улетают и строят новый улей, когда король становится слишком много.

– Да, кажется так, – согласилась Офелия.

– Это у Королевы папочка берет алкоголь, и она его не беспокоит. У них там что-то вроде перегонного куба, и то и дело, когда папаша не слишком ударяется в религию, он заходит туда и берет по чуть-чуть. На вкус выпивка ужасно сладкая.

– А они... Они сейчас нас слушают?

В ответ из Военной комнаты донеслась череда стуков.

Офелия подскочила.

– Что это? – спросила она.

– Помнишь, я тебе про ролевые игры рассказывала? – сказала Фрэн. – Ты не бойся, это довольно клево.

Она слегка подтолкнула Офелию в сторону Военной комнаты.

Из всех помещений в доме эта комната нравилась Фрэн больше всего, хотя там с воздушных кораблей на нее сбрасывали бомбы или стреляли из пушек – никто не обращал внимания на то, где она стоит. Стены покрывали олово и медь – куски металлолома, приколотенные дешевыми гвоз-

дями. Пол был усеян различными предметами, изображавшими уменьшенные горы, леса и равнины, где миниатюрные войска вели отчаянные сражения. Возле большого венецианского окна стоял детский бассейн с машинкой, которая создавала волны. В нем плавали кораблики и маленькие подводные лодки. Иногда один из кораблей шел ко дну, и по краям бассейна всплывали тела. Бесконечно плавал по кругу сделанный из труб и металлических колец морской змей. Ближе к двери лениво протекала красная, дурно пахнущая речка с бугристыми берегами. Летние люди постоянно перебрасывали через нее миниатюрные мосты, а затем взрывали их.

Наверху парили фантастического вида дирижабли. Подвешенные на ниточках драконы водили непрерывные хорорыводы. Рядом с ними висела туманная сфера, закрепленная каким-то неведомым Фрэн способом и подсвеченная неизвестно откуда лившимся светом. Она то парила под разукрашенным потолком много дней подряд, то опускалась за бортик пластикового моря, согласно какому-то таинственному расписанию, составленному хозяевами.

– Я как-то была в одном доме, – сказала Офелия. – У кого-то из друзей отца. Кажется, анестезиолога... У него в подвале была модель железной дороги, жутко сложная. Он бы умер на месте, увидев все это.

– Вон там, я думаю, Королева, – показала Фрэн. – Видишь – в окружении рыцарей. А вон еще одна, гораздо меньше.

Интересно, кто в конце концов победил?

– Может, сражение еще не состоялось? – предположила Офелия. – Или оно сейчас в самом разгаре?

– Возможно, – согласилась Фрэн. – Жаль, нет какой-нибудь книги, в которой бы объяснялось, что происходит. Идем. Покажу тебе комнату, в которой можно спать.

Они поднялись по лестнице. Будь смела, будь смела, но не слишком. Ковер из моха на втором этаже уже выглядел потрепанным.

– На прошлой неделе я целый день простояла на четвереньках, пока мыла пол. Ну а на следующий день они, разумеется, залили тут все грязью и черт знает чем еще. Конечно, не им же придется все это убирать.

– Я могу помочь, – предложила Офелия. – Если хочешь.

– Вообще-то я не думала просить тебя о помощи. Но раз сама предлагаешь, пожалуй, соглашусь. За первой дверью ванная комната, – сказала Фрэн. – В туалете нет ничего необычного. Но за ванну поручиться не могу. Мне никогда не доводилось в ней сидеть.

Она открыла вторую дверь.

– А спать можно здесь.

Это была великолепная комната, вся в золотых, розовых и мандариновых тонах. Стены украшали разнообразные листья и лозы, выполненные из платьев, футболок и прочих тряпок. Мать Фрэн почти целый год моталась по комиссионным магазинам, подбирая одежду по узорам, текстуре и

цвету. Между листьями шныряли змейки и рыбки, покрытые сусальным золотом. Фрэн помнила: когда утром всходило солнце, все это великолепие делалось таким ослепительно ярким, что на него было больно смотреть.

На кровати лежало сумасшедшего вида розовое с золотым стеганое одеяло. Сама кровать по форме напоминала лебедя. У ее изножья стоял плетеный сундук, куда можно было складывать одежду. Матрас был набит вороньим пухом. Фрэн помогала матери отстреливать ворон и ощипывать их. По ее подсчетам, они убили около сотни птиц.

– Ух ты! – восхищенно прошептала Офелия. – Я все время это повторяю: ух ты! ух ты! ух ты!

– Мне всегда казалось, что находиться в этой комнате – все равно что застрять в бутылке апельсинового лимонада, – сказала Фрэн. – Но в хорошем смысле.

– Я люблю апельсиновый лимонад, – сказала Офелия. – Но это больше похоже на открытый космос.

На полу возле кровати стояла стопка книг. Как и все в этой комнате, книги были подобраны по цвету обложек. Мать Фрэн рассказывала ей, что раньше в комнате царили другие цвета. Может быть, зеленый и синий? Цвета ивы, павлиньих перьев и полуночи? И кто тогда собирал вещи для украшения комнаты? Прадедушка Фрэн или какой-нибудь еще более дальний предок? Кто первым начал заботиться о летних людях? Мама неохотно рассказывала об этом, и Фрэн знала лишь часть истории.

Так или иначе, трудно было угадать, что обрадует Офелию, а что обеспокоит. После стольких лет все это по-прежнему в равной степени радовало и беспокоило саму Фрэн.

– Та дверь, под которую ты подсунула мой конверт... – наконец сказала она. – Вот туда ты никогда не должна входить.

Офелия с интересом посмотрела на нее.

– Как в сказке про Синюю бороду, – сказала она.

– Через эту дверь они приходят и уходят, – объяснила Фрэн. – Хотя, по-моему, они нечасто ее открывают.

– Как-то раз она заглянула в замочную скважину и увидела кровавую реку. Она была готова поклясться, что стоит только войти в эту дверь, и обратно уже не вернешься.

– Могу я задать тебе еще один глупый вопрос? – спросила Офелия. – Где они сейчас?

– Здесь, – ответила Фрэн. – Или в лесу бегают за козодоями. Я же говорила, я их редко вижу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.